

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ДОМОСТРОЯ»

Кожурина Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего и славянского языкознания
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Литературный язык великорусской народности, усвоив традиции языка Киевской Руси, испытал влияние со стороны живой московской речи, в которой разрушались многие из старых литературно-языковых норм и формировались новые народно-структурные основы русской литературной речи, проявившиеся, прежде всего, в деловой речи и деловой письменности. «Домострой» относится к числу памятников, которые демонстрировали возможность выхода делового языка за пределы официальной документации и служебной переписки.

Написан памятник письменности в большей части живым русским языком, с устойчивыми выражениями, характерными для делового языка.

Особенность текста заключается в стилистической совмещенности самых разных форм, что доказывает разрушение традиционных книжных формул и широкую грамматическую вариантность в зависимости от контекста.

Принимая за основу тезис В.В. Колесова о том, что «все стилистические варианты в «Домострое» сосредоточены в области имен, имен существительных и имен прилагательных» [2, с. 137], в данном аспекте показательны не суффиксация или префиксация (устойчивые модели), а конфиксация, поскольку анализ конфиксальных словообразовательных типов является одним из ярких средств характеристики подобных стилистических сфер. Конфиксация развивалась в живом народном языке и была противопоставлена конфиксальным структурам книжных текстов, представляющим наследие древних калек с греческого оригинала. Это противопоставление содержится и

в тексте «Домостроя»: живым народно-языковым конфиксальным структурам деловой части памятника противопоставлены кальки на *без...ие* в церковно-поучительных главах: *безумие, бесплодие, бесстрашие* и др. Конфиксальные образования деловой части не только более разнообразны в плане производящих моделей, но часто они встречаются впервые в языке «Домостроя»: *залавок, межситок, окорень, осердь, пачесь* и др.

Активизация конфиксального словообразования в русском языке связана с разрушением семантического синкретизма, укреплением парадигматики в языке и исходной словоформы в парадигме, перемотивировкой прежних суффиксально осложненных предложно-падежных форм и развитием на их базе новых конфиксальных структур. Такие конфиксальные образования обозначали конкретные предметы в их пространственном (реже – временном) отношении к другим предметам и использовались в текстах реально-бытового содержания, в том числе в соответствующих главах «Домостроя». По своим функциональным особенностям они сближались с «приставочными» образованиями нулевой суффиксации. В частности, образования нулевой суффиксации, соотнесенные с приставочными глаголами, преобладают над «бесприставочными» в тех главах «Домостроя», в которых используются конфиксальные имена. Такое «совпадение» не может считаться случайным. Приставки, доставшиеся именам с нулевой суффиксацией от производящих глаголов, так же, как и препозитивные части конфиксальных образований, восходящие к предлогам производящей предложно-падежной формы, «связали их семантику с реалиями, имеющими пространственные характеристики, а их употребление – с определенными текстами [6, с. 159].

В исследуемом памятнике наблюдается противопоставление имен существительных с постпозитивными конфиксальными элементами *-ние, -ие: бесплодие, бесстрашие, бесчестие, безумие, бесповедение, безчиние, бесстрашие, бездожие, безвремение, беззаконие, заповедание, застение, огниие, подножие*, связанных с книжными жанрами; имена на *-ный, -ьник, -ск, -ьць, -ье* как стилистически нейтральные образования: *бесплотный, безвременный, заморскои, неосудник, окорень, подворье, подклет, потаковник, повечерник, подубрусник, сродник*; элементы конфиксальных образований, связанных с народно-разговорной стихией. Это, в первую очередь, имена на *-ька (высевки, из межситки), -ица (безлепица)* и *-ок (залавок)*, составляющие принадлежность деловой письменности.

Специфика конфиксальных образований отчетливо сказывается не только в особенностях значения, но и в особенностях формы [4, с. 107]. Имена на *-ние* являются главным выразителем значения отвлеченного действия книжного языка (*безповеление, безчиние, заповедание*), а возникновение образований типа *потаковник, повечерник, подзатыльник, подубрусник* в истории русского языка связано, как известно, с осложнением основы, представленной в соответствующих адъективных образованиях на *-ный*.

Смещения в стилистических характеристиках происходили в результате взаимодействия между двумя языковыми стихиями русского литературного языка древнего периода. Наблюдения над материалами «Домостроя», рассмотрение проблематики взаимодействия церковнославянских и истинно русских языковых элементов позволяют констатировать наличие устойчивых конфиксальных словообразовательных моделей (*безумие – безчиние, подзатыльник – подубрусник, осердь – окорень* и т.п.), вступающих в активные парадигматические отношения друг с другом; совмещение архаической нормы (*безумие, бесплодие, бесчестие, бесстрашие, безчиние* и т.п.), представляющие наследие древних калек с греческого языка) и системы народного языка (*залавок, бездожие, межситка, повечерник, окорень* и т.п.).

Зафиксированные в памятнике производные субстантивы чаще всего представляют суффиксальные образования. Наиболее регулярными являются имена с суффиксами *-ние, -ник, -ство, -ость, -ие, -ица*, образования нулевой суффиксации и имена уменьшительные и субъективно-оценочные.

«Ко времени создания «Домостроя» русская письменная культура имела богатые традиции по созданию так называемых церковно-деловых текстов (типиконов, уставов церков-

ных, кормчих книг, мерил праведных и т.п.), близких по своим особенностям к первой части «Домостроя» [5, с. 19]. В их языке преобладают славяно-книжные элементы, применительно к словообразованию – это имена на *-ние, -ость, -тель* и т.п. Во второй, «чисто деловой», части «Домостроя» эти словообразовательные типы представлены в значительно меньшем количестве.

Отмеченные в «Домострое» словообразовательные формы стилистически маркированы, при этом маркером является либо аффиксальная морфема (книжные или народно-разговорные суффиксы), либо при нейтральном словообразовательном аффиксе – производящая основа (ср. образования нулевой суффиксации *вражда, возраст, въкра, соборь, грѣхъ* и т.п., с одной стороны, и *остудь, приходь, потоль* и т.п. – с другой; имена на *-никъ: блудникъ, грѣшникъ, молебникъ, но бражникъ, потаковникъ, полопеникъ* и др.).

«Домострой» создавался в то время, когда в языке произошли глобальные изменения, вызванные разрушением синкретизма языковых единиц. «К ряду таких изменений относится «взрыв» продуктивности словообразовательных типов и моделей, а особенно тех, которые являлись принадлежностью народно-разговорного языка» [3, с. 82]. Росла продуктивность и книжных словообразовательных типов, но в языке «Домостроя» это почти не нашло отражения. Так, среди имен на *-ние* зафиксировано только одно новообразование – *главоболе-ние* как синоним к слову *главоболе*. В остальных случаях в языке «Домостроя» употребляются только традиционные образования с книжными суффиксами *-ние, -тель, -ость, -ство* и др., известные книжным текстам с древнейших времен. На этом фоне выглядит довольно ярко большая регулярность субстантивов, образованных при помощи разговорных словообразовательных средств (имена с суффиксами – *к(а), -щик*, с уменьшительными и субъективно-оценочными суффиксами). Многие из этих образований имеют раннюю фиксацию в «Домострое» (судя по материалам Словаря русского языка XI–XVII вв.). К таким именам относятся: *закупщик, зер(и)щик, оговорщик, начинка* (в Словаре русского языка XI–XVII вв. не зафиксировано), *невѣрка, оторочка, блинцы, бочечка, денешка, дощечка, заплата, кашка, кшияеки, короваец, лавочка, мастерок, медок, можжок, молочко, мякинка, пирошки, потрошок* и др.

Среди отмеченных имен наибольшей стабильностью характеризуются образования с суффиксом *-щик*. Они встречаются во всех трех частях «Домостроя» и особенно в тех главах, которые несут на себе черты славяно-книжного стиля. Так, в поучениях первой части фиксируются имена *зер(и)щик* и *оманьщик*; в деловой части – *закупщик, оговорщик* и *прикащик*; в послании Сильвестра – *каменщик, кирпичик* и *стенщик*. Именно использование образований с суффиксом *-щик* позволяет нам поддержать версию М. А. Соколовой о московском происхождении сильвестровского поучения [8, с. 190], так как производные субстантивы с суффиксом *-щик*, по свидетельствам историков языка [1, с. 92], возникли и активно употреблялись в деловой письменности Московского княжества. По сравнению с именами на *-щик* образования с суффиксом *-к(а)*, появившиеся в русской письменности позднее, только набирали силу в XVI в. и были более характерны для деловой речи. В «Домострое» они отмечаются только в его деловой части. Причем чаще они выступают в конкретно-предметных значениях (*здѣлка, начинка, оторочка, подкладка, прививка*), реже – в значении отвлеченного действия (*невѣрка, прибавка, усьчка*).

«Содержательный аспект лежит и в основе распределения по отдельным главам памятника так называемых субстантивов (существительных адъективного типа склонения). Субстантивы, как и образования нулевой суффиксации, относятся к наиболее древним типам славянского словообразования» [7, с. 241]. В связи с этим они являются общезыковыми словообразовательными категориями, а значит, встречаются в текстах различных жанрово-стилистических групп. Однако, как это часто наблюдается в истории русского литературного языка, существующие словообразовательные модели заполнялись разным исходным лексическим материалом в зависимости от содержательной, идейной, прагматической и т.д. направленности текста, в результате чего разные в жанровом отношении тексты получали «скроенные» по одной модели образования,

но абсолютно не пересекающиеся в содержательном плане лексические единицы. В дальнейшем эти тесно связанные с содержанием текста слова становятся языковым средством характеристики жанра и стиля. Таким образом, нейтральные на словообразовательном уровне модели (а к ним, кроме названных, относятся суффиксальные модели на *-ник*, *-ей*, *-ина*, *-ота* и др.) оказываются маркированными на лексическом уровне, т.е. на уровне конкретных производных слов.

Эта традиция отразилась и в «Домострое», где общеязыковая модель субстантиватов мужского рода, дающая производное со значением лица, в начальных главах представлена образованиями типа *злой*, *поганый*, *нечестивый*, *благие*, *лукави*, *дурной*, *добрый* и т.п., называющими лицо на основании его моральных, внутренних качеств; в деловой части она представлена именами типа *дворецкий*, *стряпчие*, *маломощный*, *убогий*, которые характеризуют лицо в плане его социального положения.

Большой контраст наблюдается в составе субстантиватов среднего рода, которые в текстах, несущих славяно-книжное влияние, употребляются для передачи отвлеченных понятий, а в деловых текстах они конкретизированы в том или ином плане (вещественные имена) или даже терминологизированы (название пошлин и т.п.). Так, в «Домострое» можно найти следующие примеры: *благое*, *доброе*, *полезное*, *святое* и т.п., но *железное*, *мѣдяное*, *оловяное*, *пшеничное*, *шелковое*, *мясное*, *рыбное*, *ушное* и др.

Таким образом, «Домострой» дает примеры ранних фиксаций слов, образованных по продуктивным словообразовательным моделям народно-разговорного типа того времени. В исследуемом памятнике письменности соединяются новые словообразовательные формы с формами, уже проверенными в практике русских писателей, производные слова разной стилистической маркированности в пределах одного типа речи, традиционные принципы текстопостроения с новыми текстобразующими приемами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх, Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. / Ю. С. Азарх. – М. : Наука, 1984. – 247 с.
2. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 295 с.
3. Колесов, В. В. Словообразование как динамический принцип реорганизации текста / В. В. Колесов // Словообразование. Стилистика. Текст. – Казань, 1992. – С. 75–92.
4. Марков, В. М. Избранные работы по русскому языку / В. М. Марков. – Казань : ДАС, 2001. – 275 с.
5. Николаев, Г. А. Имена существительные с суффиксом *-ствие* в древнерусском литературном языке / Г. А. Николаев // История русского языка : Стилистика. Текст. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1992. – С. 40–52.
6. Николаев, Г. А. Формы именного словообразования в языке XII в. / Г. А. Николаев // Древнерусский язык домонгольской поры. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 294 с.
7. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Об изменении значения и заменах существительного / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3. – 551 с.
8. Соколова, М. А. К именному склонению в «Домострое» / М. А. Соколова // Памяти акад. Л. В. Щербы. – Л. : Ленингр. ун-т, 1951. – С. 245–254.